

- Мама...

Услышав плач, сердце Тан Чунмина сжалось, однако его веки, казалось, были склеены, и потребовалось много усилий, чтобы открыть их и увидеть свет. Он обнаружил хрипло плачущего тощего ребенка, свернувшегося калачиком у него на груди.

- А-Линь... - он не смог совладать со своим ртом и назвал имя ребенка. Разум Тан Чунмина внезапно взорвался, как будто на него сбросили бомбу, и он поспешно повернул голову, чтобы проверить свое окружение. Тан Чунмин сразу же остолбенел.

- Мама проснулся, мама, не оставляй А-Линя! А-Линь будет слушаться маму и не рассердит маму, мама... - ребенок крепко вцепился в одежду матери, его глаза были красными и опухшими от слез. Высохшие дорожки слез все еще виднелись на его личике, но он, не отрываясь, смотрел на лицо матери, боясь, что мать закроет глаза и проигнорирует его.

- А-Линь? Линь-эр, - бледный Тан Чунмин посмотрел на знакомое лицо ребенка и мягко позвал.

- Мама действительно проснулся, А-Линь был так напуган...Бабушка пришел в дом, чтобы снова отругать маму...- ребенок отчаянно вцепился в руки матери и продолжал рассказывать ему о своих страхах.

Перед ним мелькали бесчисленные воспоминания, а его руки ощущали реальное тепло живого человека. В этот момент Тан Чунмин действительно хотел закричать: «Черт!» Он на самом деле переселился в Мин ге-эра, и человек, которого он видел раньше, был не призраком, а врачом Ху Ланчжуном. Также был Чжан Сю из деревни. Последний тоже был ге-эром, проще говоря, предыдущий Мин ге-эр и Чжан Сю были лучшими друзьями.

Так называемые лучшие друзья часто ходили друг к другу домой, вроде как сегодня ты вышиваешь цветы, а завтра я вышиваю траву. Они часто подолгу говорили о своих семьях и делились наболевшим.

Мать твою налево! Это ужасно!

Его разум все еще пребывал в хаосе, но привычный инстинкт тела заставил его обнять своего маленького сына и нежно похлопать его по спине, чтобы успокоить:

- А-Линь, не плачь. Мама здесь, мама не оставит А-Линя....

...Черт!

В этот момент Чжан Сю отодвинул занавеску и вошел в комнату. Он был удивлен, увидев ситуацию на кане.

(ПП: кан - кирпичная лежанка с отоплением)

- Мин ге-эр, как здорово, что ты проснулся. Я уже начал беспокоиться. Не волнуйся, я только что отругал твою свекровь, и тебе не нужно беспокоиться о повторном браке. Теперь, когда у тебя в животе появился еще один ребенок, кто посмеет заставить тебя снова выйти замуж? Я даже не знал в течение последних двух месяцев, пока Ху Ланчжун не сказал, что это опасно. Ты должен оставаться в постели и отдыхать в течение следующих нескольких дней.

- Да, Мин ге-эру следует хорошенько отдохнуть. Если тебе что-нибудь понадобится, скажи нам, ведь мы все соседи по деревне. Очень важно, чтобы ты заботился о своем здоровье и о малыше в твоем животе, - люди, которые последовали за ним, также сказали, что они все надеются, что он родит маленького сына.

Но для Тан Чунмина бомба, первоначально брошенная в его разум, превратилась в атомную. Нет ничего более жестокого, чем реальность. Теперь у Тан Чунмина не было сил говорить. Он не осмеливался опустить голову и посмотреть на свой живот, боясь увидеть страшное чудовище.

Возможно, было бы лучше не просыпаться и оставаться в коме, но теперь уже поздно.

Еще один в животе, еще один в животе, еще один в животе...

Гром, порази его!

- Иди сюда, А-Линь, позволь тетушке Сю обнять тебя, - Чжан Сю поднял маленького ге-эра с кровати. Когда он увидел, что его глаза покраснели и опухли, он почувствовал все большую и большую жалость и сказал Тан Чунмину, - Мин ге-эр, я приложу холодную воду к глазам А-Линя, иначе ребенок будет страдать. Твой кан остыл, я помогу тебе разогреть его. Позже я пойду к Ху Ланчжуну, чтобы забрать твоё лекарство. Не спрашивай, сначала позаботься о себе. Как и сказал Мо ге-эр, тебе также нужно подумать об А-Лине и своем животе.

- Тетя Сю... - мягкое маленькое тело Линя прижалось к Чжан Сю. Однако из-за того, что он слишком много плакал раньше, малыш все еще дрожал, расстраивая всех присутствующих.

Видя, что Тан Чунмин опустил голову, Чжан Сю и остальные подумали, что он какое-то время не сможет двигаться, поэтому они все ушли, не слишком задумываясь об этом. Пусть Тан Чунмин сам подумает об этом, как бы ни было тяжело, у него теперь есть ребенок. Жизнь будет продолжаться, и в сердце всегда есть надежда.

После того, как все ушли, Тан Чунмин внезапно рухнул на кровать, его глаза безучастно смотрели вверх, желая плакать, но слез не было. Небеса решили сломить его, потому что он был слишком безжалостен к своему отцу.

К счастью, Тан Чунмин не был очень чувствительным и деликатным человеком. Он был очень беззаботным. Во всяком случае, после смерти отца он жил один, разве это не похожая ситуация? Однако теперь у него в животе есть ребенок, и он все еще надеялся проснуться от этого сна. В своей прошлой жизни он был девственником, у которого не было детей, и он не смог реализовать желание своего отца обнять внука. Теперь у него есть готовый маленький сын, который решит его проблемы в будущем и даст отцу Тан Чунмина душевное спокойствие.

Выпив лекарство, Тан Чунмин бессердечно уснул.

Чжан Сю и Ван Мо, ге-эр из той же деревни, помогли Тан Чунмину прибраться в доме, согреть кан и сварить немного зерновой каши, чтобы накормить Чжао Минлиня, прежде чем положить его обратно в постель к Тан Чунмину. Затем они покинули дом Чжао Даху, так как их собственные мужья и дети все еще ждали их возвращения к ужину.

- Сю ге-эр, почему Чжао Даху пошел в горы в такую холодную погоду? Если бы он вернулся, разве Мин ге-эр страдал бы от этих трудностей? Насколько здорово было снова забеременеть, - Ван Мо был невысокого роста, на вид чуть больше двадцати. Через несколько лет после замужества в чужой деревне он родил мальчика, и его очень ценили муж и его семья. У него был простой характер, и его жизнь была очень комфортной. Что касается ситуации с Тан Чунмином, он чувствовал, что тот достоин жалости. Хотя его собственный свекровь бывал иногда немного придирчивым, он и в подметки не годился матриарху Чжао, поэтому он лишний раз убедился, что должен дорожить своей удачей.

- Это все ради того дома, - Чжан Сю указал подбородком в сторону дома семьи Чжао на западе деревни, - Старик сказал, что его младший сын снова пойдет учиться в следующем году и собирается сдавать экзамен. Он требовал от Чжао Даху раскошелиться. Когда наступит весна, посадки тоже будут стоить денег, поэтому он заставил Чжао Даху пойти и поохотиться на крупную дичь. Теперь старик действительно смеет обвинять, что Мин ге-эр своим обжорством довел его сына до смерти. Кто не знает, что холодная погода - самое жестокое испытание для людей?

- Нет, почему Чжао Даху давал им деньги? Разве они не отделились от семьи Чжао? Кроме того, с таким количеством полей семью Чжао можно считать самой богатой семьей в деревне, как у них могло не быть денег? Все знают ситуацию с разделением в то время, почему это серебро должно быть выплачено Чжао Даху? - Ван Мо прямо заявил, что это действительно издевательство над честным человеком.

- Что тут невозможного? Кто помогает обрабатывать поля семьи Чжао? В чью пасть попадали все дикие животные, добытые Чжао Даху? Но старик Чжао часто плачется Даху, что его младшему брату трудно учиться и ему нужно больше полезных добавок. Да, разделение семей было хорошо для Чжао Даху и Мин ге-эра, так они хотя бы не должны были служить коровами и лошадьми для семьи Чжао. Но кто просил Чжао Даху быть таким честным и слушать, что говорит его мать? Он даже не думал о своей маленькой семье. Теперь я жалею, что свел с ним Мин ге-эра, - раздраженно сказал Чжан Сю.

Дом Чжан Сю находился неподалеку, и он увидел, что его муж стоит у двери и ждет его. Он

отделился от Ван Мо и направился к своему дому, думая, что уже слишком поздно сожалеть. Теперь он мог только помочь Мин ге-эру справиться с возникшими трудностями, и надеяться, что Мин ге-эр воспримет духом ради ребенка в его животе и Линь-эра.

- Ты ужинал? Как там дети? - Чжан Сю подошел к мужу и спросил.

- Я съел ужин и оставил немного для тебя. Дети все спят. С семьей Даху все в порядке? Я слышал, что семья Чжао снова создает проблемы? - мужа Чжан Сю звали Ли Дашань, он был сильным и крупным человеком. Он всегда хорошо ладил с Чжао Даху, но теперь, когда тот ушел, ему было неудобно идти в дом к его жене, даже если он хотел помочь.

Чжан Сю втолкнул Дашаня внутрь и пошел вперед, говоря:

- Чжао Даху только отошел в мир иной, а матриарх семьи Чжао не мог дождаться, чтобы привести мужчину к двери Мин ге-эра, чтобы заставить его снова выйти замуж. Мне повезло, что Ху Ланчжун поставил диагноз, что Мин ге-эр на втором месяце беременности, иначе я не знаю, чем бы закончился сегодняшний день. Этот старик, похоже, не собирается так легко сдаваться.

Ли Дашань также выразил неодобрение, какой человек захочет снова выходить замуж, если его муж только скончался. С первого взгляда было ясно, что свекровь заставляла его только ради нескольких акров земли и трехкомнатного дома, которые оставил после себя Чжао Даху. Впрочем, что могут сказать посторонние.

- Что сказал Мин ге-эр?

- У него нет сил, чтобы справиться с этим. Он выпил лекарство и заснул. Я позабочусь об этом завтра рано утром. Кстати, завтра сходи на гору и принеси дров. Я думаю, что дрова Даху почти закончились. Дни все еще очень холодные.

- Но Даху уже заготовил дрова перед зимой.

- Да, но большая часть дров была отдана старику Чжао, - Чжан Сю поправил одежду и вошел в дом. Он знал, что его муж обладал хорошим характером и, несмотря на некоторую внешнюю суровость, в глубине души был честен и справедлив. На этот раз действия семьи Чжао в отношении Чжао Даху вызвали у него раздражение. Когда сельскохозяйственный сезон закончится, он позволит Сю ге-эру позаботиться о семье Даху в память об их дружбе. Дашань подумал об этом и последовал за женой в дом.

...

На западной стороне деревни в доме Чжао.

Когда матриарх Чжао вернулся домой, он мог только проглотить свои слова, наблюдая, как пятнадцать лян серебра вылетают из его кармана. Он был так зол, что у него заболела голова, когда он лежал на кане. Ему хотелось кричать.

- Мама, что с вами? Зять согласился? С вами ведь все в порядке, верно? - старший зять семьи Чжао, Ван Чуньхуа, раздвинул шторы и вошел в дом. Когда он узнал, что матриарх Чжао вернулся, он сразу же бросился к нему. Хотя он знал, что из пятнадцати лян серебра большая часть пойдет на самого младшего брата, его семья все еще могла получить кусок. Даже если бы это было всего лишь несколько лян, Ван Чуньхуа все равно принимал желаемое за действительное.

Вскоре после того, как он вышел замуж в семью Чжао, он досконально понял характер каждого члена этой семьи. Его тесть был честным человеком, но, к сожалению, рано ушел. Свекровь всегда был скупым, и без подавления тестя он вообще впал в крайность. В его глазах были только деньги, его драгоценный младший сын и внук. Как единственный внук семьи Чжао*, он считался старшим внуком их семьи и помог своей матери, Ван Чуньхуа, занять стабильное место в семье Чжао.

(ПП: для тех, кто запутался, напомним, что в семье Чжао три внука, но так как Линь-эр и другой ребенок - ге-эры, технически они не внуки)

Он только что зашел с улицы, когда услышал от своего сына, что бабушка вернулась, поэтому он ворвался, не раздумывая. Но с первого взгляда стало ясно, что ситуация была неправильной.

Конечно же, матриарх Чжао, чье сердце уже было полно огня, услышав речь Ван Чуньхуа, встал с кана. Он указал пальцем на Ван Чуньхуа и выругался:

- Где тебя носит? Когда я вернулся, в доме совершенно нечего было пить, кроме моей собственной слюны. Даже кан холодный. Ты хочешь, чтобы этот старик умер, а ты мог забрать все серебро себе? Я скажу тебе, даже не думай...

Сначала он лежал и жаловался, но теперь встал и начал плевать словами. Его голос был таким громким, что его можно было услышать в соседнем доме, даже если они не могли его видеть. Ван Чуньхуа привык видеть эту сторону свекрови, и в отличие от Тан Чунмина, которому было трудно слушать эти слова, они входили ему в одно ухо и выходили из другого. Прислонившись к дверному косяку, он повернулся, чтобы посмотреть в сторону другой комнаты. Независимо от того, насколько болезненными были эти слова, человек на кане все еще был его свекровью, поэтому он даже не мог опровергнуть его.

Глупый старик неужели ты думаешь, что когда ты будешь страдать в будущем, твой младший сын будет относиться к тебе с сыновней почтительностью?

Тем не менее, они с мужем также ожидали, что младший брат сдаст экзамен и будет развивать свои таланты. Во всяком случае, их семью не отделили, и они все еще могли прикоснуться к грядущей славе. В будущем их семья сможет занять более высокое положение, чем сейчас, и,

возможно, они могли бы последовать за ними в город, чтобы продолжить совместную жизнь.

Когда матриарх Чжао устал ругаться, Ван Чуньхуа вышел вперед с застенчивым лицом:

- Мама, что не так в этой ситуации? Что касается Линь-эра, то другая семья все еще ждет нашего ответа, мама, они сказали, что дадут нам десять лян серебра. Разве третий брат не говорил, что ему нужно серебро для участия в весеннем экзамене? - на самом деле они сказали двенадцать лян, но 2 лян передали ему в частном порядке. Он не осмелился взять больше. В любом случае, это не имело большого значения, даже если бы это дело было раскрыто, Ван Чуньхуа был умен в этом.

Матриарх Чжао хлопнул себя по бедру, и Ван Чуньхуа промолчал. Младший сын, Чжао Пинчуань, собирался в апреле в префектуру Динчжоу для участия в экзамене. Как только он сдаст экзамен, Пинчуань станет знаменитым ученым, и матриарх Чжао станет матерью ученого. В этой деревне Пиншань они считались бы первоклассной семьей. Кто из соседей не позавидовал бы ему?

К счастью, период траура по Даху не задержит экзамен младшего сына, иначе матриарх Чжао выкопал бы этого ненавистного второго сына из-под земли и отругал бы его. Младшему брату требуется носить траур всего сто дней, чтобы сохранить сыновнее благочестие по отношению к старшему брату. Это время закончится ровно в апреле. В глазах матриарха Чжао экзамен младшего сына был важнее, чем жизнь и смерть этого бесполезного второго сына.

Но эта поездка в префектуру Динчжоу стоит очень дорого, думая о серебре, уплывшем из его рук, матриарх Чжао подумал, почему бы не выжать больше серебра из той звезды несчастья, которая убила Даху. Матриарх Чжао перестал ругаться и, сидя на краю кана, опустил глаза. Ван Чуньхуа с первого взгляда понял, о чем думает этот старик. Он торжествующе улыбнулся в своем сердце, подошел и сказал:

- Третьему брату тоже скоро нужно будет жениться, и когда он сдаст экзамен, семья Чжао станет семьей высшего класса. Этот брак не может быть небрежным, мама, посмотрите на этот старый дом, он слишком убог для нашего будущего зятя, - Ван Чуньхуа знал, что матриарх Чжао не смог взять приданое Тан Чунмина, и это его душило. Позже, увидев, как Тан Чунмин использовал свое приданое, чтобы построить себе трехкомнатный дом, у него в сердце родилась идея. Ван Чуньхуа не думал о том, чтобы лично завладеть домом, но когда третий брат завладеет большим домом, тогда он тоже будет принадлежать их семье.

Поначалу Ван Чуньхуа завидовал младшему зятю, Тан Чунмину, ведь тот выглядел лучше его. Даже если его мать умер, а отец защищал мачеху, он все равно отдал ему все вещи матери. Все приданое, которое было дано Ван Чуньхуа, было передано семье Чжао. Однако глава семьи Чжао был очень бесстыдным. Ван Чуньхуа не знал, что сказал отец Тан Чунмина своему маленькому ге-эру, но позже Тан Чунмин, что бы ни говорили матриарх Чжао или Чжао Даху, отказывался передать им свое приданое.

Ван Чуньхуа гордо раздумывал, сможет ли Тан Чунмин победить его сейчас? Даже если он

снова забеременел, это все равно зависит от того, сможет ли он родить. В конце концов, матриарх Чжао не продал его старому хромому вдовцу, на поиски которого его семье потребовалось много времени.

<http://bllate.org/book/13611/1207193>